

Борисов Олег

1-14.05.2002

Олег с супругой Аллой

На могиле актера Олега Борисова стоит небольшая стела из белого мрамора. «Если бы я поставила роскошный памятник, Олег бы меня не понял — он был скромным и застенчивым», — говорит вдова актера Алла Борисова. Каждый год 28 апреля, в годовщину смерти мужа, она приходит на Новодевичье кладбище.

ОЛЕГ БОРИСОВ ВПЕРВЫЕ ЗАПЛАКАЛ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Мама назвала его Альбертом — в честь принца

Олег и Алла Борисовы прожили вместе 43 года. Ближе ее у него не было никого.

Впервые Алла увидела Борисова в 1951-м. Пятерых выпускников Школы-студии МХАТ распределили в украинский театр.

— Я буквально выросла в Театре Леси Украинки, где всю войну был директором мой отец, — вспоминает Алла Борисова. — С будущим мужем меня познакомил актриса Маша Сторожева. Борисов увидел у нее мою фотографию и попросил: «Познакомь меня с этой девушкой!» Подошла я как-то к театру, а Маша говорит: «Жди здесь, что-то покажу». И убежала. А потом вышла с заспанным молодым человеком. Специально Олега разбудила, чтобы нас представить друг другу. Так мы и познакомилась, а через два года поженились. Рассказал, что по документам он — Альберт. Так его назвала мама — в честь принца, который в 1929 году приезжал в Советский Союз. Правда, никто мужа Альбертом не называл. И только когда нужно было написать доверенность на получение зарплаты, возникла путаница.

Когда в 1961 году на экраны вышла комедия «За двумя зайцами», провинциальный актер стал знаменитым. И хотя Борисов, сыгравший шеголеватого Голохвостого, не имел украинских корней, фразы «У меня в груди шкворчит!» и «Мы — это что-то одно, а вы — что-то совсем другое!» произносил вполне по-хохлацки. Да и его жена Алла была коренной киевлянкой.

Роль полностью изменила его жизнь. У Борисова появилась не только слава, но и завистники. Картины отправили в Польшу на декаду советского кино. В делегацию вошли Борисов, Смоктуновский и Конюхова. Но руководство киевского театра запретило актеру уезжать.

— Ему хотя бы объяснили причину? — Причина одна — зависть. На худсовете обсуждали

фотограф Валерий Плотноков

два вопроса — повышение актерских ставок и командировку Олега. «До ставки Борисов не дорос, а звездность нам в коллективе не нужна!» — высказалось начальство. Олег, узнав об этом, подал заявление об уходе. Бумагу не подписали, уговорили остаться, но и за границу не отпустили. Но помощник министра культуры лично принес Борисову билет на самолет и отправил его утренним рейсом в Варшаву. В тот же день в театре повесили приказ об увольнении. По громкоговорителю собрали труппу, и началось... Как будто обличали Пиночета. Одни кричали, что надо отобрать квартиру, другие

Комплексовал из-за своего роста

Из Киева семья переехала в Ленинград. Первые восемь лет в БДТ были непростыми — Борисову не доверяли ярких ролей. Но постепенно актер превращался в звезду товстоноговского театра.

— Его буквально заваливали цветами, и, чтобы увезти букеты, приходилось брать машину, хотя мы жили в двух кварталах от театра. Поклонниц хватало, но Олег был робким и стеснительным, поэтому отношения с ними не выходили за рамки приличий. Никто не террори-

зировал нас звонками. Он очень хорошо чувствовал и знал свои возможности. Даже если хотел какую-то роль, смотрелся в зеркало и говорил: «Нет, не подходит!» Муж вообще был очень недоволен своей внешностью. Среднего роста, шупленький... Он хотел быть могучим, как Стрельчик. Борисов доказал, что внешние данные для актера — не главное. Когда он выходил на сцену, зрители забывали и про рост, и про комплекцию.

Бескомпромиссность актера стала почти легендарной. Порой он предпочитал уйти навсегда, чем наступить на горло собственной песне. Позже из МХАТа Борисов сначала ушел в творческий отпуск, а потом — в Театр Советской Армии, когда узнал, что Ефремов и Смоктуновский тайком от него репетируют «Дядю Ваню». У Борисова была роль Астрова в этом спектакле. Он долго не хотел играть главную роль в фильме «26 дней из жизни Достоевского» у ре-

жиссера Александра Зархи, а когда его все же уговорили, ушел посреди съемочного процесса.

— Он быстро понял, что фильм получается поверхностным, — вспоминает Алла Романовна. — Объясняя очередную сцену, режиссер сказал: «Вы откроете дверь, пройдете мимо иконы и расстреляете ее взглядом». Олег ответил: «Стреляйте сами», повернулся и вышел. Он всегда уважительно относился к религии и традициям. У нас в доме была Библия, отмечались большие церковные праздники. Заявление об уходе со съемок написала и актриса Евгения Симонова, но ее Олег отговорил от этого шага: «Я-то переживу, а ты себе карьеру испортишь».

После этого скандала Борисов стал запрещенным актером. Михалков хотел снимать его в «Родне», но чиновники были непреклонны — Борисова к «Мосфильму» близко не подпускать! В итоге роль мужа героини Мордюковой досталась Ивану Бортнику.

Но Борисов ни дня не сидел без работы — играл на «Ленфильме», снимался в Болгарии и Германии. За болгарскую картину «Единственный свидетель» получил награду в Венеции. Там его разыскивал Де Ниро — хотел познакомиться с русским актером.

Казалось, склоки и театральные интриги мало трогали Борисова. Гораздо больше его волновал не сыгранный им Хлестаков. Из-за того, что не получил эту роль, актер даже попал в больницу.

— Неужели он был таким тонкокожим? Рвал отношения, ломал привычный уклад жизни, когда был возможен компромисс...

— Не тонкокожим, а нетерпимым — особенно к вранью. Конечно, он был тяжелым человеком с гипертрофированным

самолюбием. Но и с сильным мужским характером. Он никогда не жалел о своих поступках.

Болеет за «Динамо» и переплетал книги

— Вам часто приходилось переезжать — из Киева в Ленинград, потом в Москву. Вы тяжело переносили эти перемены?

— Я всегда знала, что Олег мечтал играть в МХАТе, а время БДТ — самое яркое в его творчестве. Как же я могла думать о себе, когда он рвался играть на этих сценах? Я всегда работала, но когда мы переехали в Москву, Олег заставил меня уйти на пенсию. Он хотел, чтобы я его встречала и провожала. Хозяйственными вопросами ни Олег, ни сын Юра в нашей семье не занимались. Можно сказать, это фамильная традиция. Моя мама была прекрасная хозяйка. У меня этого таланта меньше, но обустроить дом люблю. Под настроение Олег мог приготовить по кулинарной книге какое-нибудь мясо по-бургундски, но это случалось редко.

— Говорят, жене актера надо иметь огромное терпение...

— Я была счастлива в семейной жизни. Дома Олег не был актером. Он никогда не позировал. Ходил в простых джинсах, с удовольствием возился на даче в чем-нибудь замызганном... За 43 года мы ни разу не расставались надолго. Он очень любил сына. Юра в три года сам научился считать — по сантиметру, а читать — по газетам. Олег часто уединялся в своем кабинете — писал дневник, читал, слушал музыку. Бывало, сидит на даче, смотрит футбол на первом этаже и кричит: «Алена, ты где?» Ему важно было, что мы рядом. Читал он очень много. Возле кровати постоянно лежали тома Чехова, Достоевского — разобрать эти завалы мне не давал. Собственно ручно переплетал книги. Болеет за киевское «Динамо». Обычно закрытый и сдержанный, на матчах отчаянно кричал и бурно жестикулировал. Когда киевские футболисты приезжали в Ленинград, смотрели все его спектакли. У них был режим, и пока они ужинали в антракте, второе действие не начинали. Из Москвы мы все же перебрались на дачу в Ильинское — сначала это был заброшенный дом, хозяева которого умерли. Там все отстроили практически заново. Муж хотел иметь что-то свое — ведь тогда не было приватизированных квартир. Собирался заняться пчеловодством, но не успел. Он даже в Париж на озвучание «Луна-парка» с дачи уезжать не хотел. Все время повторял: «Зачем мне это надо? Мне здесь так хорошо!» Каждый день ездил в театр на машине. Он замечательно водил, не нарушал правил. Ни разу не сел за руль пьяным. Наоборот, на него наезжали. Один раз нас оцарапал «рафик», другой — трамвай задел.

Диагноз рак крови Борисову поставили еще за шестнадцать лет до смерти. Актер часто болел, но надолго угодили в больницу только в 1994-м.

— Мы надеялись на чудо. Я полтора месяца жила в Институте переливания крови, спала на раскладушке рядом с кроватью мужа, Юра приезжал каждый день и сидел возле отца. Олег страшно переживал: «Как же вы будете жить без меня?» «Не волнуйся, квартиру сдадим, переедем на дачу», — успокаивала я его. Мы ведь ничего не откладывали на черный день, не заводили сберкнижек, и поэтому в 1991-м ни копейки не потеряли. Так и вышло. Московскую квартиру я сдаю, живу на даче — ведь жить на что-то надо... Но мы не жалуемся.

Конечно, муж понимал, что умирает. Я благодарю Бога, что в последнюю минуту я и сын оказались рядом с ним. Олег успел сказать: «Прощай!» и заплакал. Первый раз за всю жизнь.

■ Надежда Келлер.